

Миранда Грин

Цветущие
пустыни

18+

Миранда Грин
Цветущие пустыни

«Автор»

2026

Миранда Грин

Цветущие пустыни / Миранда Грин — «Автор», 2026

— Госпожа ведьма, вы слишком много себе позволяете! — следопыт возмутился, когда я потребовала себе пленника. — Я уже не говорю о соблюдении приличий. Я ещё раз присмотрелась к пойманному дикарю, глядящему на меня злыми глазами. Такими же, как у спорящего со мной следопыта. И расхохоталась. Теперь отговорить меня точно не выйдет!

© Миранда Грин, 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Наглость - второе счастье	5
2. Враг моего врага...	12
3. ...мой друг?	15
4. Дела давние	18
5. Скандалист	21
6. Как мёдом намазано	24
7. Каков подарок...	27
8. ...таков и отдарок	30
9. Заря	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Миранда Грин

Цветущие пустыни

1. Наглость - второе счастье

Наглость считалась вторым счастьем ещё в глубокой древности, у людей, возводивших дома до неба и знавших смену сезонов. Для живущих в пустынях наглость была оружием, обращённым в обе стороны, одно неловкое движение — и вместо противника ты поразил себя. Впрочем, мы, ведьмы, всегда были довольно живучи. И наглы. Последнее, конечно, по меркам злопыхателей, но кто их мнением интересуется? Уж точно не те, кто был сброшен в бездну и вернулся оттуда живым.

Ведьме в осёдлом городе позволяет многое. Свой дом, не дом мужа или родителей. Своё имущество. При желании даже свои рабы. И право голоса на совете. Последнее особенно приятно, после возвращения я как-то полюбила все эти мероприятия. То, как перекашивается рожа Ирсети, первого следопыта, дорогого стоит. Он-то явно надеялся, что я не выживу, но, сюрприз, я оказалась куда крепче, чем он считал. Может быть он даже жалеет, что не добил меня, но уже поздно.

— Мирри, — поворачиваюсь к девчонке с изуродованным железом лицом. — Помоги мне.

Покрывала одно за другим опускаются на плечи, надёжная защита от солнца, песка и ветра. Не сказать, что такая необходимая, да и большинство ведьм предпочитают более открытые наряды, но сегодня я просто не в настроении. Булавки скрепляют слои ткани между собой, прячась в вышивке, сливаясь с золотыми нитями. Что ж, это стоило года мучений. Более чем.

За стенами дома шум, я даже отсюда различаю громкие женские голоса, то и дело перекрываемые густым басом верховного жреца. Даже прислушиваться не надо, чтобы понять, что речь идёт обо мне. Прелестно, обожаю быть причиной чужих склок. Особенно если начинают возмущаться из-за моего распутства, будто у их мужей после меня не начинает работать то, что давно безжизненно опустилось.

— Госпожа Йесер, — Мирри едва слышно обращается ко мне, сожжённые губы слабо шевелятся.

— Что такое?

— Вас не задевает то, как отзываются горожане?

— А тебя задевает, когда тебя называют уродливой?

Могло прозвучать зло, но...

— Я и до ожогов красавицей никогда не была, — она только криво ухмыляется, напоминающая злобную дворняжку.

— А я никогда не была образцом нравственности и смирения. Просто теперь получила возможность не скрывать свой мерзкий характер.

Мирри снова улыбается, кивая. Злоба в пустынях позволительна трём категориям женщин: красавицам, уродинам и старухам. Красавицам всё прощают за милое личико и безмолвные обещания. От уродин почему-то ничего хорошего не ждут. А характер старух списывают на возраст. Ведьмам же прощается вообще всё. Традиция велит не перечить тем, кого рвали чудовища бездны, выжившие в Чёрной Яме становятся супругами живущей там силы, и никто не хочет навлечь на себя беду неосторожным словом.

Треплю девчонку по волосам, словно верного пса, и встаю со стула. Сегодня должны вернуться следопыты с добычей. Не могу упустить шанса ткнуть Ирсети во что-нибудь носом.

Тонкие, кривоватые пальцы Мирри на миг сжимаются на моём запястье. Мягко улыбаюсь ей, но пальцы отцепляю.

— Веди себя хорошо.

Она сутулится, смотрит снизу вверх затравленным волчонком, но кивает. Отвернувшись к зеркалу, специально подцепляю пальцем длинный локон, заставляя его выбиться из-под покрывала. Прядь и так уже выгорела под беспощадным солнцем, но это меня не останавливает. Дверь, настоящая, не покрывало как в большинстве домов, открывается, впуская в комнату удушливый уличный воздух. Широкая и высокая подошва сандалий, выточенная из дерева и напоминающая копыта ездовых зверей, почти не проваливается в песок. Белые пальцы на миг показываются из-под ярких юбок. В одообразной бесцветности города я выгляжу как след от пощёчины на бледном лице.

Многие бы с удовольствием плюнули под ноги, но страх — отличный поводок. Даже через обычно людный центральный рынок я иду без особых препятствий. Солнце сегодня особенно яркое и обжигающе горячее, слепящее глаза, готовое выжечь их при неосторожно взгляде. Вопреки тому, что ведьмы рождаются в крошечной тьме, я предпочитаю думать о себе как о солнце.

Ирртэ славится самым крупным невольничьим рынком и самой крупной ведьмовской общиной. Нас пятнадцать — по меркам пустынь это огромное количество. Как пробывшая в бездне дольше всех, а потому самая сильная, я и представляю нас на советах. Ну, и мне просто нравится там присутствовать. Про Иррета же все помнят? Скоро я вас познакомлю.

Тем более, что господин следопыт уже красовался на площади совета, издали заметный благодаря своему росту. И так восхитительно кривящийся при виде меня. Клянусь, если однажды его при моём появлении вывернет наизнанку, я вознесу Великим хвалы и принесу кого-нибудь в жертву.

— Госпожа ведьма, — он выдавливал из себя эти слова, — решили поучаствовать в разделе добычи?

— До этого давала выбор своим подопечным. Девочкам полезно себя порадовать.

Его перекосило ещё сильнее. Эти «девочки» ящеров рвали голыми руками и песок плавили в стекло. Рабы у ведьм жили недолго, особенно некрасивые и с характером.

— А сегодня решила поучаствовать в разделе сама.

На площади пахло кровью, да и привкус битвы ещё ощущался в воздухе. И в огромном синяке на скуле Иррета. По мне, так его это только украшало. Он скривился и уже сделал вздох, чтобы ответить.

— Конечно, куда ж без тебя, — Иррет против воли потирает пострадавшее лицо, не глядя в мою сторону, лишь обводя взглядом пленников.

Поворачиваюсь туда же, рассматривая тех, кому не посчастливилось вступить в стычку со следопытами Ирртэ, чья судьба теперь зависела от чужой прихоти. Вольные бойцы, наёмники, которым платят за разорение неудобных соседей, практически все — мужчины. Только пара женщин, пол которых угадывался лишь по магическим отпечаткам. В отряды брали лишь одарённых силой.

Обе слабее меня, слабее практически любой из тех, кто пережил Чёрную Яму, скорее даже не ведьмы, а мелкие колдуньи, рождённые со слабеньким даром, пригодным разве что кровь остановить. Мужчины сидят чуть в отдалении, лица многих отвернуты или скрыты платками, защищающими от песков. Только один из них, судя по одежде — руководитель отряда — сверлит собирающихся горожан взглядом. Сперва мне даже показалось, что ненависть направлена на меня.

Захотелось даже возмутиться, потому что я пока ещё никому из них ничего не сделала. И только сделав шаг в сторону, я понимаю, что смотрит-то пойманный дикарь не на меня. Пред-

метом его пристального внимания является Ирсет, отвечающий такой же холодной, практически звенящей яростью. Пожалуй, я отойду в сторону, а то воздух между этими двумя начинает нагреваться и отнюдь не из-за палящего солнца. Не хочу попасть под перекрёстную неприязнь.

— Старый знакомый, м? — удержаться от комментария невозможно, сделать гадость несостоявшемуся жениху — святое дело.

— Ты о чём? — он сбрасывает маску взаимной вежливости, но на меня даже не смотрит, продолжает следить за пленником, словно тот вот-вот сделает что-то безумное.

— О твоих переглядках. Тут только слепой не заметит.

— Долго гонялся именно за ним.

Чувствую, как ехидная улыбка превращается в кровожадный оскал. Очевидно, что Ирсет не упустит возможности лично избавиться от заклятого врага. Кто я такая, чтобы мешать... себе делать ему гадость. Даже если я потрачу свою очередь на «живое имущество» просто так, бешенство Ирсета будет этого стоить.

Присматриваюсь к пленнику внимательнее. Даже отсюда видно, что ростом его природа не обделила, он и сидя возвышается над своими собратьями по несчастью. Лица за тряпками не рассмотреть, но получается увидеть глаза. Он на миг косится на меня, когда Ирсет отвлекается от него. Глаза у дикаря потрясающие, настолько ярко-синие, что я подобные видела только у одного человека.

— Почему мне кажется, что ты задумала какую-то гадость, Йесер?

— Потому что ты всегда ищешь повод меня в чём-то обвинить. Только ты учитывай, что последствия твоих козней обычно бьют по тебе, — улыбаюсь ещё шире, лишь бы его корёжило, как остовы древних зданий под весом ящеров.

Держать лицо сложно, но я и не слишком стараюсь прятать довольную улыбку. Убираю с лица ещё одну выбившуюся прядь, широкий рукав скатывается к локтю, открывая рваные чёрно-багровые отметины, оставшиеся после моего перерождения. Взгляд Ирсета тут же перекакивает на них.

— Что ж, все в сборе, это прекрасно. Йесер, я удивлён, что ты сегодня пришла лично, — старый жрец, одновременно исполняющий роль правителя, подходит к нам.

— Мне стало скучно.

Во взглядах мужчин только раздражённое осуждение. Они бы рады провести раздел без меня и моих комментариев, указать мне на моё «место», но прекрасно понимают, что оставаться без защиты от духов, когда приближается период бурь, по меньшей мере глупо. Пятнадцать ведьм — серьёзная сила, в те дни, когда небо чернеет от беснующихся в нём существ из магии и песка. Приходится терпеть. Впрочем, я тоже восторга от их общества не испытываю.

Я буквально вижу в глазах напротив осуждение за неподобающее поведение. Но меня это не интересует. Тем более, что у меня есть цель.

— Если вам обоим так неприятно моё присутствие, дайте мне сразу выбрать и я уйду. А вы между собой уже делите всё оставшееся.

— Госпожа ведьма, вам не кажется, что вы наглеете? — Ирсет явно выслуживается, пытается меня вразумить.

— Я? Наглею? — с видом оскорблённой невинности прикладываю руку к груди, заодно вытаскивая одну из спрятанных в ткани булавок.

Слои одежды от этого немного смещаются, превращаясь из традиционного бесформенного кокона во что-то более облегающее. И менее приличное. Прекрасно понимаю, что болеющий за общественную нравственность верховный жрец захочет побыстрее загнать меня в моё «логово», подальше от глаз приличных людей.

Ирсет на миг соскальзывает взглядом с моего лица на открывшуюся шею, но быстро берёт себя в руки. К сожалению, этот гад стал слишком устойчив к моему обаянию.

— Йесер, веди себя прилично.

— Не понимаю о чём ты, — от его недовольства даже воздух становится слаще. — Я просто предложила вариант, который будет по душе всем. Я же вижу, как вам неприятно моё общество.

У него дёргается глаз, а рука замирает в воздухе, пальцы сжимаются, будто он представляет, как вцепляется в моё горло. Увы, дорогой, теперь ты на меня можешь только смотреть. И не потому, что почтенному следопыту защитнику города, зазорно иметь что-то общее с ведьмой. Просто я тебя ближе не подпущу.

— Так что? Потому что я уже присмотрела себе игрушку и не хочу тратить время на делёжку и обсуждения.

— Ты невыносима.

— Я? Что вы, господин следопыт, вам просто тяжело произнести это вслух. Признаться, что вы ко мне предвзяты.

Жрец между нами тяжело вздыхает, кажется, я даже слышу негромкие молитвы. Казалось бы, мужчина давно должен был привыкнуть к нашим «высоким» отношениям, но каждый раз, встречаясь, мы просто не можем перестать плевать друг в друга ядом и скалить клыки как две мутировавшие змеи.

— Йесер, кого ты выбрала? — наконец-то он решил, что проще дать мне желаемое, чем терпеть наши склоки. — Магичек заберёшь?

Раздел между ветвями власти происходит только в вопросе живой добычи, прочие ценности делятся в давно установленной пропорции.

— Нет, они уже в том возрасте, что вряд ли переживут полноценную трансформацию, смысла тратить ресурсы на слабосилок, которые половиной артефактов пользоваться не смогут и их скорее всего просто уничтожит? — цинично, но факт, смерть от магической отдачи по мучительности сопоставима с нахождением в Чёрной Яме. — Но я присмотрела кое-кого лично для себя.

Вижу, как присутствующие при делёжке свидетели плюются, выражая отношение к моему бесстыдству. Что ж, не привыкать, не привыкать. У Ирсета дёргается щека, но он молчит, борясь с собой и с желанием сказать мне гадость, указать, где, по его мнению, моё место.

— И кого же?

Молча указываю пальцем на обладателя тех же синих глаз, что и у господина следопыта. Ирсет кривится, когда понимает, что наши интересы пересеклись.

— Госпожа ведьма, вы слишком много себе позволяете! — следопыт возмутился, когда я потребовала себе пленника. — Я уже не говорю о соблюдении приличий.

— Вы только и делаете, что напираете на приличия, уважаемый Ирсет, будто забыли, что ко мне они более не применимы.

— Это мой личный враг! Я за ним столько бегал по пустыням, и ты хочешь отнять у меня месть?!

Наклоняю голову к плечу, будто раздумывая над его словами. От напряжения на виске мужчины пульсирует жилка, от попытки вцепиться мне в горло его удерживает только присутствие жреца. Всё так же сладко улыбаясь, я киваю. Да, я хочу забрать у тебя желанную месть.

И радостно хохочу. Теперь отговорить меня точно не выйдет!

— Тебе нужно было запытать его до смерти за стенами города, если ты гарантированно хотел от него избавиться, Ирсет. Ты ведь прекрасно понимаешь, что здесь тебе придётся уступить.

— Уважаемый жрец, я против того, чтобы отдавать его ведьме! — он повернулся к жрецу, надеясь на понимание.

Но наткнулся на отповедь.

— Ирсет, ты забыл, что наша вера учит милосердию к врагам?

— А в том, чтобы отдать его ведьме, какое милосердие?

— Я его пытать не буду. В самом плохом раскладе только заезжу, но, согласись, скончаться под красивой женщиной куда приятнее, чем умереть в пыточном подвале?

Рука Ирсега поднимается в воздух, словно он хочет ударить меня по лицу, но замирает на середине жеста. А потом до нас доносится странный звук, в котором не сразу удаётся распознать смех. Голос у пленника хриплый, ни воды, ни защитных зелий его горло не знало давно, но даже так по манере речи слышно человека, привыкшего брать от жизни то, что ему хочется.

— Если я правильно помню местный обычай, — сипит он, то и дело давясь смешками, — то в таких ситуациях у пленника есть право выбора...

Он медленно поднимается на ноги, провожаемый взглядами прочих пленников, совершенно игнорируя направленное на него оружие. Теперь, когда он повернут к нам лицом, у меня есть возможность оценить размах плеч и телосложение. Кажется, он выше меня даже сейчас, когда я в «копытцах». Мечи направлены на него, одно подозрительное движение, и его распотрошат как скотину перед праздником.

— Есть такой, — жрец задумчиво гладит выбритый подбородок. — И что же ты выберешь, пользуясь единственным оставшимся у тебя правом?

Лицо Ирсега темнеет, словно он заранее знает ответ. Плечи пленника мелко дрожат от смеха, когда он встречается взглядом со следопытом. О, я обязательно узнаю, что у них там за история вражды! Явно что-то интересное, раз Ирсега буквально трясёт от злости.

Дикарь смотрит на меня, и по прищуре понятно, что он улыбается. Ярко-синие глаза смотрят так, что на мгновение я испытываю желание ударить его по лицу. Слишком уж он похож... Впрочем, не следует заранее делать выводы о нём лишь по сходству с Ирсегом. А то я на всех синеглазых начну кидаться как кошка на мышь.

— Я с огромным удовольствием составлю компанию госпоже ведьме.

Мне определённно нравится, что он не даёт себе скатиться в трагедию. Многие пленники умоляют или о свободе, или о быстрой смерти. Этот же ищет себе выгоду в ситуации, в которую попал.

Но это обстоятельство говорит и о том, что мне нужно быть с ним осторожнее, мало ли. Вдруг он не только внешне на Ирсега похож, будет у меня ещё одна проблема в этой жизни. Впрочем, я буду думать об этом, когда наступит такая необходимость.

— Как приятно, что у нас уже наблюдается некоторое... взаимопонимание. Может быть оно даже поможет тебе прожить несколько дольше.

— О, жить мне очень нравится. И взгляды у меня достаточно... гибкие.

Вот же змея! Что ж, он действительно проживёт достаточно долго, если будет умным мальчиком. Ирсет рядом со мной буквально кипит от злости, но — два против одного. У него нет шансов.

— Две бесстыжие гадины, — Ирсет может только покачать головой. — Чтоб вы своим ядом потравились...

— Господин следопыт, разве можно желать людям зла? — не могу удержаться от шпильки.

— Иди уже отсюда. Выползает из своей норы раз в полгода, а проблемы потом неделями разгребает...

Смотрю на жреца и, получив короткий кивок, беру руку пленника. Два коротких надреза на ладонях — одна из булавок в одежде украшена остро заточенным диском — и магия скрепляет нас, лишая его возможности навредить мне или послушаться приказа.

Кто-то из оставшихся пленников бросает ему в спину комментарий, язык дикарей я, к сожалению, не понимаю, но явно что-то нелицеприятное. Его глаза темнеют, сейчас особенно остро напоминая оставшегося позади следопыта. Внутренний голос вновь начинает ворчать, требуя прибить его прямо здесь. И от Ирсега под шумок тоже избавиться. Давлю его уси-

лием воли, хватая своё «приобретение» за локоть, опасаясь, что дикарь сорвётся. Однако он покорно, словно зверь на поводке, реагирует на команду.

— Не заставляй меня отдавать приказ.

— Даже не думал, — он изображает послушание, но его глаза, обращённые на собратьев по несчастью, остаются тёмными.

Только за пределами площади отпускаю его локоть и команду следовать за мной. И без того отшатывающиеся от меня горожане и вовсе спешат отвести взгляд. На лицах у стариков осуждение: конечно, все же знают, для чего ведьмы берут рабов. Или разврат насаждать, или для своих омерзительных ритуалов.

Чужак даже не пытается дёрнуться в сторону, даже наша связь не передаёт ни одного тревожного сигнала. И в такое смирение со своей судьбой не верится, в нём видится подвох. Что ж, кажется, я знаю, чем займусь дома. Вскрытием его разума.

Едва дверь открывается, Мирри уже ждёт меня у порога. Но сейчас она будет только мешать.

— Иди к себе.

Понятливо кивнув, она скрывается в дальней комнате. А я разворачиваюсь к своей доле от общей добычи.

— Открой лицо.

— Я не брит уже давно, — он сутулится, пытаюсь сравнить разницу в росте между нами. — Возможно, если в доме госпожи ведьмы найдётся лезвие...

Прямого приказа не было, и теперь он пытается юлить. Вместо ответа коротко, без замаха, бью его по щеке. Намотанные на голову тряпки глушат удар, но заклинание проходит сквозь ткань. Будь оно менее прицельным, он остался бы лысым, а так...

— Открывай.

По глазам вижу, как он хочет ответить, но вместо этого благоразумно делает так, как сказано. Медленно, методично сматывает один шарф за другим. В пустынях нового мира всегда приходится прятаться от солнца. Первым делом из-под ткани освобождается длинная тугая коса. В пустынях волосы отрачивают, чтобы в случае опасности было что скормить духам в благодарность за защиту. С ходу не замечаю ни одной короткой или неровной пряди, так что платить песчаным чудовищам ему не приходилось.

Тем более интересно, как Ирсет и отряд смогли его поймать.

Когда он открывает лицо... Что ж, в первое мгновение рука тянется выхватить из воздуха плеть, потому что мне кажется, что неуважаемый следопыт стоит рядом со мной. Только моложе лет на десять, прямо как тогда, и не пытающийся меня удушить.

— Какой интересный поворот... И как же тебя зовут? Вернее, как тебя звали здесь?

— Ирим.

Не могу удержаться от разглядывания, пальцы сами вцепляются в подбородок пустычника, заставляя его поворачивать голову в нужную мне сторону. Сходство действительно потрясающее. Даже фамильное родимое пятно и присущая всей их семье родинка на месте.

На миг даже теряю контроль над собственной магией и она каменной плитой падает ему на плечи, вынуждая опуститься на колени. Он не разрывает взгляда, а я понимаю, что передо мной действительно копия Ирсега. Молодая, здоровая, с присущей всем одарённым магически безуминкой в глазах...

— Кровный родственник или «повторный человек» с севера?

Говорят, на севере сохранились артефакты времён до Великого Солнца, позволяющие из капли крови вырастить копию человека. Ирим похож на Первого следопыта настолько, что невольно начинаешь верить в эти рассказы.

— Брат. Очевидно, что младший.

— Ты же понимаешь, что с таким сходством я в этом сомневаюсь? — я просто отказываюсь в это верить.

Скулы, брови, горбинка на носу. Настолько совершенная копия, что становится то ли страшно, то ли тошно, то ли весело. Ирим смотрит снизу вверх, и в этом взгляде столько прищущего Ирсету превосходства, насмешки над окружающими и судьбой, что оторваться просто невозможно. Наваждение не распадается и когда губы копии кривятся в усмешке:

— А госпожа ведьма верит в эти байки?

— Ты учитывай, что если слишком злить госпожу ведьму, можно и без головы остаться. И как ты с таким характером столько прожил в пустыне?

— Я крепче, чем кажусь, — он смотрит из-под густых ресниц, совершенно не тронутый тем, что на подбородке почти наверняка останутся синяки.

— И как же тогда вышло так, что Ирсет притащил тебя сюда? — если я почувствую ложь, я начну ломать его разум.

И Ирим, видимо, это прекрасно понимает. Глядя прямо на меня, он улыбается ещё слаще, ещё ядовитее, как улыбаются маги, одержимые духами похоти. Редкое явление, хотя в нашем мире именно мужчины чаще подвержены одержимости, как более слабые перед искушениями всевозможных сущностей.

— Я сам позволил тебя поймать.

2. Враг моего врага...

Мы смотрим друг на друга, и у Ирима несколько секунд уходит только на осознание одного простого факта: он проговорился. Элементарно забыл, что связанный с ведьмой рабским контрактом, даже сам будучи одарённым магически, он не может лгать. Через мгновение, правда, вместо того, чтобы расстроиться, он кривовато улыбается, скаля в улыбке удивительно ровные для обитателя пустыни зубы:

— Полагаю, спектакль можно прекратить?

— А у тебя на него и не было шансов.

Всё ещё внимательно вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, что именно меня смущает. Он слишком похож на одержимого. Конечно, наделённые магией и так выглядят не слишком людьми, сила в них слишком ощущается, превращая даже красивых в ужасающих, где-то на том уровне, что не осознаётся разумной частью человека. Но он будто... будто громкость выкрутили на максимум. Где-то в доме у меня стоит оставшийся с ещё древних времён приёмник, служивший людям без магии, и иногда он оживает, издавая то хриплые звуки, то помехи, то обрывки музыки. И Ирим... это музыка с помехами. Так обычно звучат одержимые.

— Я сейчас говорю с хозяином или с жильцом?

— А кто сказал, что мы различаемся?

— Я тебе сейчас руку оторву, если ты не уберёшь её с места, где она находится.

Прикосновение к колену обжигает даже через слои ткани. Дух, с которым срастали Ирима в одно целое, слишком обжился в его теле, и теперь кожа мужчины кажется раскалённой. В нашей части бескрайних пустынь от таких обычно избавляются, впрочем, на севере нравы помягче.

Ирим, не отводя взгляда, убирает ладонь. А я делаю себе мысленную пометку не пытаться понять его логику, у одержимых с ней огромные проблемы, миропонимание духа и человека вступают в конфликт, порождая такие выверты, что проще самому с ума сойти, чем в них разобраться.

— А теперь рассказывай, зачем тебе всё это, пока я не разозлилась и не устроила тебе очень плохую жизнь.

— А того, что он выбросил нас, — дух, со мной сейчас явно разговаривает дух, у них есть привычка говорить про себя и хозяина «мы», — в пустыню умирать, мало?

— Я хочу поговорить с Иримом. Не с тобой.

— Какая строгая женщина, — яркая синева глаз вспыхивает магическим пламенем, но ровно на миг. — Он докучал?

У настоящего Ирима более жёсткая манера речи и куда более тяжёлый взгляд, когда влияние нелюди исчезает, сходство с Ирсетом снова становится омерзительно явным.

Опускаюсь на стул, рассматривая проблематичное приобретение уже куда внимательнее. По шрамам можно определить, каким ритуалом и как давно было произведено подселение. Но на открытых участках нет ни следа. Да и в целом... на руках нет следов от веревок, которые точно были у других рабов. Дух слишком хорошо подстёгивает исцеление, значит, вместе они не меньше пяти лет. На вид ему, может, слегка за двадцать, но определить сложно. И мне всё ещё нужны следы от ритуала...

— Раздевайся. Пока по пояс. И заодно Расскажи мне, зачем тебе понадобилось возвращаться сюда.

Дух наверняка бы устроил из этого целое представление, но Ирим смотрит в пол. Движения резкие, на скулах заметны пунцовые пятна. Да уж, разительный контраст между этим скромником и его бесстыдным компаньоном. Он сидит, опустив голову, а грудную клетку рассекает длинный, сглаженный временем шрам.

Если бы он не белел на смуглой коже, я бы его даже не заметила, но сейчас он так и притягивает к себе внимание. Не отказывая себе в любопытстве, провожу по нему пальцами.

— Я жду.

— Поддался на уговоры.

— Духа?

— Людей. Думали, удастся перехватить припасы и...

— Можешь не продолжать, — видно, что рассказывать о потерянных товарищах и проваленной стычке ему не хочется, и решаю поиграть в великодушие. — И в какой момент твой «сосед» тебя оттеснил?

— Когда брат меня оглушил. Я начал наблюдать уже на площади, и остановить его от попадания сюда не смог.

Он пытается отстраниться от моего прикосновения, но разрешения на это не было. Зато смотреть не на меня ему никто не запрещал. Пальцы соскальзывают со шрама, идут вверх и за подбородок разворачивают его лицо. Пожалуй, при всём своём сходстве, он всё-таки красивее, чем Ирсет. То ли черты чуть мягче, то ли они не испорчены мерзким характером, то ли влияние духа сказывается, но смотреть на Ирима мне нравится больше.

— Кто из вас большую часть времени управляет телом?

Зачастую вопрос считается неприличным, но мне нужно понимать, с кем я имею дело. Ирим резко расслабляется, но потустороннего обаяния не появляется, скорее, он замирает на зыбкой границе между человеком и духом. Понятно, что-то промежуточное. И та, и та части — крайности, которые приходится удерживать силой. Что ж, для одержимых с севера пустынь — вполне нормальное дело.

Бездумно принимаюсь гладить его по волосам, не зная, стоит ли оставлять при себе такую опасную «игрушку» или лучше отдать его Ирсету в знак примирения. Почти убеждаю себя в разумности второго варианта, как перед глазами встаёт самодовольное лицо следопыта, ровно за мгновение до того, как он столкнул меня в Чёрную Яму. Шрамы отзываются болью, ненастоящей, но ощущаемой весьма отчётливо.

Пальцы наглого духа — сейчас я уверена, что это его инициатива — касаются самого края чёрных отметин, пробираясь под длинные юбки ровно на ладонь. На его лице почти сочувствие, и совсем небольшая примесь голода, присущего всем бестелесным созданиям рядом с магами. Если бы он мог, он бы отодрал от меня кусок, но он сам подставился под клятву и теперь вынужден вымалывать внимание и вместе с ним крохи силы, поддерживающие его собственные способности. Носителя этой голодной твари уже явно мало.

— У мальчишки очень сильная воля. И желание отомстить, иначе в том возрасте я бы его переварил, — он кладёт голову мне на колени, косясь недовольным зверем.

— А теперь ты подставил его под «ошейник».

— Нас обоих. На меня эти узы тоже работают. Но я не жалею. К моему большому удовольствию, — он улыбается, показывая двойной набор клыков, выросших под влиянием сущности, — госпожа ведьма также как и мы совершенно не переносит следопыта Ирсета. И если госпожа ведьма отдаст приказ...

Мнимая покорность и мурчащий голос почти убаюкивают моё внимание, так что ставшие слишком смелыми прикосновения я улавливаю только когда пальцы одержимого добиваются до бёдер. Тяжелая пощечина — а сдерживаться я смысла не вижу, магия может и делает меня сильнее, но так и передо мной не обычный человек — опрокидывает его на спину.

— Голодом уморю, — наступаю ему на грудь.

Духи всегда, во все времена, понимали только язык силы. Вновь ослабляю контроль над собственной магией, его впечатывает в пол — и Ирим, как признающая поражение собака, запрокидывает голову, подставляя беззащитную шею. Дух, видя, что его действия признали негодными, отступает, оставляя человека разбираться с последствиями.

— Сомнительные у тебя друзья, — к человеку-то у меня вопросов нет.

Падаю обратно на стул, что-то наше недолгое знакомство забирает у меня слишком много сил. Ирим какое-то время лежит, не двигаясь, словно проверяя, не придётся ли снова воевать с духом.

— Вы, госпожа ведьма, вызываете у него странное желание покрасоваться, — наконец выдавливая из себя он и медленно садится, всё так же оставаясь на полу.

— О, я думала это у духа характер похож на твоего братца.

— Не сравнивайте меня с ним, — он смотрит загнанным в угол, а от того готовым на любой отчаянный бросок зверем. — Пожалуйста.

— Не давай мне поводов к этому сравнению.

Он наклоняет голову к плечу и, подумав с мгновение, кивает. Плечи Ирима опускаются, словно и у него не осталось сил после этого прощупывания границ.

В логике духу не откажешь. Тот явно заметил нашу с Ирсетом взаимную «любовь» и поспешил толкнуть своего носителя к тому, кто может поспособствовать их общей цели. Только вот просчитался в том, что на меня можно воздействовать. Впрочем, если эти двое готовы поиграть в оружие одной цели... почему бы не воспользоваться? В конце концов, враг моего врага — мой друг. Ну, или моя пешка, тут как ситуация покажет.

Ирим плавно перетекает на колени и опускает голову к полу. По слишком медленному, выверенному движению видно, как он делает над собой усилие. Вот уж... действительно братья. Ирсет бы так согнулся только в том случае, если бы был уверен, что это позволит ему позже вцепиться в горло.

— Если госпожа этого желает.

Спасибо, что зубами при этом не заскрежетал. Чувствую, нашла я себе проблему. Впрочем, если станет совсем сложно, можно будет доломать человеческую личность и отдать тело духу. Тот ко мне явно с большей симпатией настроен.

Вообще, живая собственность — та ещё проблема. Нужно не только приучить к новому положению, но и к делу пристроить. И об этом я не подумала, когда забирала его попросту назло следопыту. В другом случае можно было бы поразвлечься пару раз да выпить силы, а тут так просто не получится. Ирим тяжело дышит, плечи чуть подрагивают от напряжения.

— Посмотри на меня.

Он поднимает эти невыносимо синие глаза, и я понимаю, что крупно ошиблась. Это не злость и не ненависть, не неприязнь ко мне. Это страх. То ли передо мной, то ли перед судьбой, то ли перед обитающим неподалёку старшим братом, из-за которого его судьба и сложилась таким невесёлым образом. А может и всё вместе.

Где-то под слоем этого первобытного ужаса обитает и стыд, от которого даже его тронутая солнцем пустынь кожа покрывается пунцовыми пятнами. Даже наклоняюсь ближе, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Взгляд его начинает бегать.

— Боишься?

— Да.

Вижу, как недовольно дёргаются губы, но врать мне он действительно не может, а потому честно признаётся в таком постыдном для пустыни чувстве. Страх — удел слабых. А слабых пожирают сильные.

— Зря. Если будешь вести себя хорошо, то бояться тебе нечего.

Он коротко кивает, наконец глядя прямо на меня, бороться с приказом сил больше нет. По мелькающим в глубине глаз искрам видно, что дух пытается вылезти наружу, но человеку слишком важно прожить этот момент лично. Похвально. Глажу его по волосам, прежде чем встать со стула.

— Пойдём.

3. ...мой друг?

Ирим в недоумении уставился на благоустроенную купальню, роскошь на грани разорения по меркам пустыни. Вода, правда, была зачарованная, она не испарялась, а вычищенная из неё грязь уходила в специально организованные стоки. Сил на это ушло Скажем так, одержимых по типу Ирима пришлось бы с десятков выпить досуха. Мне же пришлось потратить пять лет непрерывной работы, зато в моём почти непримечательном доме была вещь, за которую богачи выкладывают целые состояния. Дороже только живая вода бы обошлась.

— Вопросы, так понимаю, лучше не задавать?

— Правильно думаешь. Раздевайся. Терпеть твою притащенную с пустыни грязь в своей части дома я не собираюсь.

Оставляю обувь у порога, почти в открытую наблюдая за ним. Жилистый как пустынный кот, заметно выше меня и, потенциально, шире вдвое. Мог бы стать, если бы бескрайние пески не выжирали из людей все соки. От дикаря можно было бы ожидать шрамов по всему телу, для них борьба за выживание — действительно борьба, но у Ирима было преимущество в лице «соседа». В какой-то момент движения мужчины становятся плавнее, кажется, кто-то уступил духу власть в этой некомфортной ситуации. Обнажение в пустынях — огромная уязвимость, и перед беспощадной природой, и перед так и ждущими твоей ошибкой людьми.

Что ж, раз иметь дело с неловкостью явно не слишком свободного в своих взглядах на мир человека мне не придётся можно и присоединиться.

Булавки с негромким стуком опускаются на поднос, привлекая внимание одержимого. Тот оглядывается на меня через плечо, демонстрируя искры только в одном глазу.

— Странно, что за столько лет у вас не произошло полного слияния личностей.

— Интересный момент для светской беседы, — он подходит ближе, весьма ловко помогая справиться со слоями ткани. — Вот такие мы как у вас говорят? Дефектные?

Взгляд Ирима не отрывается от шрамов после Ямы. В нём почти голод: в Ямах, всё-таки, живут такие же существа как он. Просто чуть хуже контролирующие себя, а потому неспособные на сделку с человеком и подселение. Тех, кого засовывают в человеческое тело силой, мы в расчёт не берём.

Глаза одержимого темнеют, и только связывающая нас магия не даёт ему сорваться. Он лишь тяжело сплывает, отворачиваясь и снимая с себя остатки одежды. Не отказываю себе в удовольствии провести по его спине, пересчитывая позвонки. И подталкиваю к купальне. Он соскальзывает в воду и недовольно морщится: концентрированная магия в ней бывает злой и колючей, весьма беспринципной в вопросах очищения. Зато он сразу будто светлеет на пару тонов, загрубевшая под беспощадным солнцем кожа тоже стирается магией.

А вот у меня внезапно начинает свербеть место пореза, хоть тот и зажил сразу после скрепления связи.

— И кто из вас, вопреки своим сладким речам, пытается бороться с моим контролем? — ещё один слой падает на пол, оголодавший дух отвлекается, его взгляд идёт по чёрным отметинам на ногах, устремляющимся вверх, под нижнюю юбку.

— Он просто переживает, что ему не дадут отомстить, — всё-таки сущностями весьма просто манипулировать, если знаешь, какой они природы, и особенно в совокупности с хозяйской властью, — это после смерти Ирсега он будет готов сдаться.

— Какая прелесть. Я бы тоже с удовольствием посмотрела на труп господина следопыта, напомню тебе. Но если ты будешь оспаривать своё положение, тебе и кусочка этой мести не достанется. Ты меня понял?

Попытка натянуть «поводок» с другой стороны исчезла. Что ж, благоразумие в нём присутствует. Или слишком сильная жажда мести, с чем тоже можно работать. Ирим, будто что-

то решив для себя, кивает. И в следующую секунду ныряет в зачарованную воду с головой на одно долгое мгновение. Выбравшись на поверхность, встряхивается как сторожевой пёс, окатывая меня брызгами, а я чётко улавливаю наступившее в нём равновесие между человеком и подселенцем, будто наша договорённость привела его в какую-то странную, шаткую гармонию. Его пальцы с лёгкостью, даже внахлёт, смыкаются вокруг моей лодыжки.

— У тебя руки лишние?

— Мы же оба прекрасно понимаем, для чего ведьмы берут рабов? — он смотрит снизу вверх, без излишней наигранной скромности или театральной развязности.

В его взгляде действительно читается «Давайте закончим игры и приступим к делу», что, если честно, настолько неожиданно и непривычно, что даже сбивает с толку. Меня! Что-то давно забытое, смутно похожее на смущение, на миг поднимает голову, но тут же исчезает, когда рука Ирима скользит вдоль отметин к внутренней стороне бедра.

— Бесстыжий, — качаю головой, присаживаясь на бортик.

— Это вы меня в бесстыжести обвиняете? — теперь он снова выше меня.

Даже после зачарованной воды, Ирим пахнет пустыней и чем-то, присущим только бес-телесным сущностям, и от этого запаха внутренности сворачиваются узлом, задыхаясь в смеси ужаса и жажды. Что ж, раз тут играть в вежливость и приручение не нужно, почему бы не насладиться тем, что так прямо предлагают взять?

Чудовище в человеческом облики сладко скалится, улавливая перемену, язык проходит по отметке на плече. Ирим разве что не урчит от удовольствия, отметины после Ямы сочатся магией, для одержимых — почти деликатес. Лицо его смягчается, ровно настолько, чтобы я ещё видела сходство с Ирсетом, но не испытывала от этого напряжения. Создавая иллюзию того, что мне удалось приручить мерзавца. Крепкое от тяжёлой жизни и магии тело вклинивается между моих ног.

— Наглости тебе не занимать.

— Если бы вас действительно что-то не устраивало, ваш приказ меня бы уже скрутил беспомощным щенком. А раз вы меня не останавливаете

Бортик может и широкий, но вцепиться в плечи мужчины приходится, хотя бы ради того, чтобы с удовольствием запустить в них когти, наслаждаясь запахом насыщенной магией крови. Ирим в ответ кусает мою шею, ровно там, где заканчивается чёрная отметина.

Воздух вокруг начинает гудеть от питающей его силы, особенно отчётливо в момент, когда одержимый толкается бёдрами, проникая без предупреждения. Слишком остро, но не больно. В ответ могу только намотать его косу на кулак, отрывая от своей шеи и вынуждая запрокинуть голову, тело Ирима выгибается дугой, одна рука держит меня за талию, не давая отстраниться, вторая — цепляется в бортик так, что камень стонет под нечеловеческой силой.

Синие глаза впиваются в моё лицо.

— Когда ты смотришь вот так, я хочу тебя сожрать, — впиваюсь зубами в любезно представленное горло.

— Отравитесь.

Что ведьмы, что одержимые — все мы немного сумасшедшие, особенно когда голод толкает нас друг к другу. Ирим сдёргивает меня в воду, лишая последней опоры, но ему это не мешает, у него ещё есть силы, моя вырвавшаяся из-под контроля магия подпитывает его.

Движения слишком суетливые, слишком рваные, и поначалу нам сложно поймать какой-то общий ритм, первый голод слишком кружит голову, а ещё нестабильная связь с хозяйкой заставляет его путаться в своих и чужих ощущениях. Но дух быстро наставляет своего подопечного на путь истинный. Из меня вырывается крик, который спугивает пришедшую проверить всё ли в порядке Мирри. Удивительно, что он ещё умудряется смущаться в таких ситуациях

Ирим впивается поцелуем в мои губы, но быстро отступает, после того как оказывается укушен за губу.

— Не люблю целоваться. Зубы, слюни, фу

— Как скажете.

Вместо этого он вновь переключается на шею, почти пьянея от контакта с дикой магией. И всё-таки надолго меня не хватает, злость очень быстро подстёгивает к финишу, а Ирма подгоняет эхо моих чувств.

Руки у одержимого трясутся, но в воду я не падаю, хотя он сам с удовольствием бы сейчас сполз на пол. Ослабляю хватку на его волосах, почти ласково глядя его по голове.

— Какой темперамент

По проступившему чуть стыдливому румянцу понимаю, что сытый дух отошёл вглубь, а человек явно не слишком доволен тем, что его оставили разбираться такой щекотливой ситуацией.

— С этой твоей скромностью придётся что-то делать. Впрочем, я уверена, что быстро тебя перевоспитаю.

Он кивает, вновь опуская меня на бортик, и пытается отстраниться. Нет уж, милый, так не пойдёт.

— Не вздумай.

Прямой приказ не даёт ему этого сделать, и Ирим просто опускает голову мне на плечо, избегая взгляда. Это почти умиляет. Утыкаюсь носом куда-то ему за ухо, шумно вдыхая. Удачное приобретение

— Пойдём. Расскажешь мне на ночь сказку о своих взаимоотношениях с братом.

— Если вы этого желаете

4. Дела давние

Взгляд Ирима прожигает во мне дыру, но у меня неплохо получается его игнорировать. После того, как наваждение и эмоции спали, одержимый превратился просто в молодую и мрачную копию своего мерзкого братца. Он без дополнительных команд с моей стороны уселся на пол у кровати, и теперь следил, как я разбираю влажные волосы.

— Говори.

— Да сложно начать с чего-то, — он сжимает переносицу. — С Ирсетом у нас были сложные отношения сколько я себя помню. Разница в возрасте у нас приличная, он долгое время был единственным ребёнком, вот и

— Не все старшие братья или сёстры на дух не переносят младших.

— Я знаю, — в голосе слишком отчётливо звенит старая, практически детская обида. — Но он этого и не скрывал. Ещё и пользовался тем, что родители постоянно за стенами.

Киваю. Родителей Ирсега я застала живыми, но Ирима не вспомнила бы даже с головой на плахе. То ли мы вообще не встречались до этого, то ли Ирсет так старательно прятал брата. Да и не имеет это уже значения, сейчас от этого никакого толка.

Пальцы Ирима — я почему-то уверена, что это не его собственная привычка, а манера духа — снова оказываются на отметинах на моих ногах, очерчивая каждый рисунок. Пользуется тем, что прямого запрета не было.

— В каком возрасте он от тебя избавился?

— Я не помню точно, кажется, мне было лет пять. По крайней мере, по пустыни я потом блуждал недолго, меня практически сразу подобрали.

Ирим не смотрит на меня, но продолжает рассказывать. Как его брату в тот день как раз подарили ездового ящера. Вспоминаю принадлежащую Ирсету тварь, с характером под стать владельцу, и прикидываю по её возрасту разницу в годах между братьями. Следопыту, получается, было немногим больше десяти. Да уж, знай я об этом раньше, не удивилась бы.

Ирим поверил обещаниям брата просто покатасть, но в итоге «случайно» упал со спины ящера, когда они возвращались, убегая от бури. Каким чудом он тогда выжил, и сам не знает, помнит, что вокруг была только колючая душная темнота. А очнулся уже в лаборатории, со шрамом на груди и неприятным соседством.

Ёжусь, вспоминая ту бурю. Кажется, мы с неделю не могли выйти из домов. И то, что Ирим вообще уцелел, а не был сожран песчаными духами или дикими животным, уже огромная удача. Интересно, как отреагировали их родители? На момент нашего с Ирсетом знакомства их уже не было среди живых.

— Знай я эту историю до моей с ним встречи, может и в Чёрной Яме не оказалась бы С другой стороны, без ямы я бы не была такой, как сейчас, — расчёска замирает на мгновение, прежде чем снова заскользить по волосам. — Да уж сложно это всё.

— Расскажите о вашем с ним знакомстве.

Голос у него мрачнеет окончательно, он стискивает зубы, будто удерживая внутри недовольное рычание. Даже забавно, на самом деле. Он действительно слишком напоминает пустынного кота, зверя, привыкшего выживать вопреки всему, способного, при своих скромных габаритах, отогнать даже ездового ящера, если тот подойдёт слишком близко.

Откладываю расчёску, давая себе несколько мгновений на раздумья. В целом, я могу и не отвечать, но я ведь толком ни с кем не говорила о том дне. Мирри, конечно, знала в общих чертах, но она была слишком простодушна, по определению поддерживая меня. Ирим был ко мне предвзят, конечно, но он и сущность собственного братца отлично представлял.

Пальцы бездумно зарываются в длинные волосы одержимого и принимаются их разбирать, под недовольное шипение, тот поворачивается ко мне спиной, в попытке вывернуться,

но в итоге так и остаётся на полу у моих ног. Кто ж виноват, что коса у него давно спуталась? Это действие немного отвлекает и позволяет сосредоточиться на рассказе.

Я познакомилась с Иримом на пороге своего совершеннолетия. У меня магический дар был уже с рождения, но тогда слишком слабый, чтобы представлять опасность, зато достаточный, чтобы пройти посвящение в жрецы. Не скажу, что я горела желанием становиться одной из них, но в нашем городе это была отличная судьба, дающая практически гарантированное безбедное существование до конца своих дней.

В те годы в моей голове ещё жив был романтический туман и бредни о свободе, может быть даже о побеге куда-то на север, где, как говорили, всё было совсем иначе, и природа не представляла опасности для человека. Ирсет, как мне казалось, мечтал о том же. Накануне моего посвящения он предложил сбежать — и мы даже смогли это сделать, его ящер весьма ловко избежал и стражи, и городские стены перескочил с лёгкостью. Казалось, сама судьба нам благоволит. Сейчас бы я напряглась.

— Думаете, кто-то подстроил? — он перебивает меня, поднимая голову.

— Я даже знаю, кто. Кто занял моё место среди жрецов, после того как Ирсет скинул меня в Чёрную Яму, явно рассчитывая, что я не переживу.

— Говорят, что существа в яме

— Говорят, что птиц доят, — перебиваю его. — Никто, даже бывшие там, не знает наверняка, что происходит с упавшими. Боль заставляет мозг перестраивать воспоминания, защищаться от безумия, которое могло бы поглотить разум.

Ирим смотрит через плечо, разглядывая виднеющиеся из-под полотенца четыре параллельные полосы на бедре, но ничего не говорит. В конце концов, о некоторых вещах действительно лучше не вспоминать. Да и отметины в целом идут такими рядами, то прерываясь, то сплетаясь между собой. Он кивает, мол, понял, вопросов больше не задаю, и снова отворачивается.

Когда я выбралась и вернулась в город Такого ужаса на лицах не видела никогда. Я походила на живого мертвеца, истощённая, в собственной крови, кое-как закутанная в ошметки ткани. Но живая. Не сожранная ни чудовищами Ямы, ни духами пустыни.

— Знаешь, с каким удовольствием я тогда ударила твоего брата по лицу?

— И никто не помешал? — он запрыгивает голову, устраивая её у меня на коленях.

— А кто бы смог? Не знаю, как в других городах, а здесь выживших не трогают. Если бы в тот момент у меня сила вышла из-под контроля и я бы снесла ему голову, мне бы только пальцем погрозили, мол, в следующий раз так не делай. К сожалению, Ирсега это только вдохновило побыстрее двигаться выше среди следопытов. И теперь я не могу откусить ему голову, не имею права

— Какая жалость

— Тон смени. А то я откушу её тебе.

— Что я не так сказал-то?

— Ты сейчас звучишь, как он. Не замечаешь?

— Мы после этого встречались только в пустынях во время стычек, как-то не было возможности изучить его манеру речи.

Я рассматриваю его внимательнее, на краю сознания вертится какая-то мысль, но я никак не могу ухватить её за хвост. Ирим смотрит в ответ:

— А «поводок» можно накинуть недобровольно?

Киваю, а через секунду понимаю, что он озвучил ту мысль, которую я никак не могла поймать. Если уж так вышло, что они слишком похожи, то почему бы не поменять их местами? Воспоминания, конечно, не подделаешь, но под поводком он не сможет утаивать информацию. А безопасность Первого Следопыта от посягательств внутри города обеспечивается вполне физическим объектом. Амулетом, который тот всегда носит при себе.

— Мы ведь об одном и том же подумали? — Ирим широко улыбается, и такой кровавый оскал у его брата был перед тем, как он столкнул меня в темноту.

— О да Я более чем уверена в этом.

В углу комнаты подаёт признаки жизни древний приёмник, иногда через шипение пробиваются звуки человеческих голосов, но слова различить не удаётся. Зато настроение поднимается до невообразимых высот. Нужно только всё подготовить. И немного усыпить бдительность Ирсега, чтобы тот не вмешался в наши планы. Впрочем, спешить нам некуда.

Ирим прикрывает глаза, продолжая сладко улыбаться, явно представляя прекрасное будущее, в котором наши планы исполнились. Не думаю, что я сниму с него поводок, но слишком затягивать его я тоже не стану.

5. Скандалист

— Ты понимаешь, что ты натворила?

Я смотрю на Ирсега, который не пытается сдерживать своё неудовольствие, с порога принимаясь на меня кричать. Ещё и в дом зашёл, просто оттеснив Мирри в сторону. Она не была уроженкой города, так что её мнение мужчину не слишком заботило. В пустынях мало думают о тех, у кого имя начинается на другую букву.

— Иди, милая, со мной всё будет хорошо, — подталкиваю девушку к выходу из гостиной. — Будешь так орать, я ослаблю барьер на доме и весь город будет знать, что Первый следопыт — истеричка, выбросившая родного брата из дома. Как думаешь, переживёт это твоя репутация? Особенно если все узнают, сколько ему было лет?

Опускаюсь в кресло, беря со столика стакан с отваром. И делаю глоток, глядя на Ирсега поверх его края. Следопыт замирает, медленно делая вдох сквозь сжатые зубы, ещё медленнее выдыхает, заставляя себя опустить плечи и расслабиться. Глаза горят, но он всё-таки берёт себя в руки, падая в кресло напротив.

Ирсет смотрит на меня несколько мучительно долгих мгновений, видимо, ожидая от меня каких-то эмоций, но я только делаю ещё один глоток отвара. Я первой этот разговор не начну. в конце концов, это он ко мне пришёл, это ему нужно высказать своё мнение.

— Значит, он тебе поведал свою версию?

— И она неплохо стыкуется с тем, что я знаю о тебе.

Следопыта перекашивает, как и каждый раз, когда я напоминаю ему о нашем совместном прошлом. Настроение весьма недурное, так что решаю воспользоваться моментом и уколоть побольнее:

— Как, кстати, Ирриль себя чувствует?

Он кривится ещё сильнее, теперь сверля во мне дыру полным ненависти взглядом. Та, ради кого меня скинули в Яму, занявшая моё место, тяжело перенесла посвящение. Она оказалась слишком слаба даже для принятия той силы, что благоволила к людям. И все эти десять боролась за жизнь. Мне было бы её жалко, но она даже не скрывала, что выпросила себе моё место. Так что расплата была соразмерной поступку.

— Ты и сама прекрасно всё знаешь

— Да, но не могу не спросить лишний раз. Я, знаешь ли, девушка обидчивая.

— Я заметил. Злопамятная из-за мелочей.

— Какое интересное у тебя представление о мелочи, Ирсет, — я всё ещё говорю негромко, размеренно, но спокойствия в голосе нет.

— Ты же выжила, — он беззаботно пожимает плечами.

— Назови мне причину, по которой я не могу сейчас швырнуть в тебя чем-нибудь тяжёлым.

— Тебе по коллективному соглашению запрещено, печать не даст.

— Это заклинанием тебя она угробить не даст, а вот подносом по голове ударить — очень даже позволит.

Он оценивающе смотрит на тяжёлый медный поднос и благоразумно давится комментариями. За спиной негромко скрипит дверь, и Ирсет поднимает взгляд на вошедшего. Ирим сейчас балансирует между человеком и духом, превосходно отыгрывая роль довольного своей жизнью постельного раба. Губы следопыта презрительно кривятся. У Ирима даже ухо оказалось проколото, и сейчас в нём качалась менее роскошная копия моего собственного украшения — тоже типичный признак положения.

— Надо было убедиться, что ты шею свернул.

— А что тебя не устраивает, братец? Если бы ты хотел меня убить, избавился бы до приезда сюда. Сам хотел помучать? Так думать нужно было, — он наклоняется ко мне довольным котом, опуская подбородок на моё плечо.

Пальцы бездумно соскальзывают на его шею, Ирим на мгновение напрягается под прикосновением, но быстро расслабляется, возвращаясь в роль.

— Знаешь, какой соблазн сейчас разбить лампу и сжечь вас обоих к пустынным тварям?

— Тебе договор тоже запрещает мне вредить. Подавишься, Ирсет, — сладко улыбаюсь.

У него темнеют глаза, зрачки расширяются настолько, что я начинаю подозревать у него проблемы со здоровьем, но прокомментировать не успеваю. В мою сторону летит тяжёлая статуэтка, стоявшая рядом с его креслом. Только не мне в голову, а Ириму. Вредить собственности-то он имеет полное право, просто потом возместит потери. Ирим уворачивается, а я подставляю руку под снаряд. Боль ощутимая, кажется, от удара щёлкает в локте, но не критично. Зато следопыта скручивает в кресле: отдаче всё равно, что я сама подставилась, а защита на поясе Ирсета не срабатывает, он сам запустил этот процесс.

— Какого духа ты лезешь, Йесер?!

— Какого духа ты портишь моё имущество? Если ты, как безмозглая скотина, понимаешь только язык силы, значит я буду использовать с тобой такие методы.

Он вскакивает, делая два шага ко мне. Чувствую спиной, как дёргается к нам Ирим, но жестом его останавливаю. Следопыт мне ничего не сделает, как бы ему не хотелось открутить мою голову. Ирсет только наклоняется ко мне, руки впиваются в подлокотники моего кресла, лицо мужчины совсем близко к моему.

— Тебе не кажется, госпожа ведьма, — ядом в этом обращении можно убить деревню, — что ты стала слишком много себе позволять.

— Вам не кажется, господин следопыт, — возвращаю ему порцию отравы в голосе, наклоняясь настолько близко, что чувствую его дыхание на губах, — что вы стали злоупотреблять своим положением? Не бойтесь, что я подниму вопрос на совете и вас заменят?

— Тебя не послушают, ты ко мне предвзята.

— Твоё мнение обо мне никто слушать не будет, все прекрасно знают, что ты со мной сделал.

Ирим всё ещё стоит у меня за спиной, совсем близко, но без приказа не вмешивается. Кожей чувствую, как между братьями искрит взаимная ненависть, но сейчас они добаться друг до друга не могут, не могут друг другу вцепиться в глотки, словно два голодных зверя. И это только подогревает кипящий котёл злости.

— Я ещё вернусь, Йесер. Ты ведь это понимаешь?

— Добро пожаловать отсюда, Ирсет. Двери моего дома для тебя всегда закрыты. Займись лучше делом, скройся за пределами города.

Чуть отстраняюсь, а потом резко сокращаю расстояние между нашими лицами, клацая зубами совсем рядом с его носом. Ирсет резко делает шаг назад, качая головой. И меня разбирает смех. Я хохочу так, что подвески на люстре и окнах звенят, возвращая звук многократно искажённым. Следопыт бы рад меня прервать парой пощёчин, но не может. И уходит из моего дома, от души хлопнув дверью. Если, конечно, душа у него ещё имеется.

Ирим тут же оказывается у кресла, заглядывая мне в лицо снизу вверх, убеждаясь, что я действительно в порядке. А мой смех резко обрывается. Шумно вздыхаю, утирая ладонями мокрые от слёз щеки, и без лишних слов беру чудом уцелевший стакан. Сладковатый отвар проваливается внутрь, давая силы, успокаивая. Перекатываю его на языке, рассматривая солнечные лучи, играющие в гранях стакана. И передаю посуду Ириму.

— Пей.

Тот молча делает глоток, за один раз приканчивая оставшийся напиток.

— Станный вкус

— Мёд, вероятно.

— Хочу ли я знать, откуда вы его достали? Пожалуй, нет, — он осторожно ставит стакан на стол, опуская голову.

— Брат твой как стихийное бедствие. Песчаная буря. Выскочил, суету навёл, исчез, будто его и не было. Шум в ушах после себя оставил и настроение испорченное дальше некуда.

Одержимый пожимает плечами: глупо отрицать очевидное. От Ирсега в последнее время было больше шума, чем пользы. Даже в ловле отряда, к которому прибился Ирим, больше отличились подчинённые Первого Следопыта, чем он сам. Зато битья в грудь и хвастовства заслугами было

Откидываюсь на спинку, рассматривая комнату. Много солнца, проходящего через цветные стёкла. Обычно все стараются создать как можно больше тени, но с утра можно позволить себе эту простую роскошь, совсем скоро Мирри занавесит окна, создавая спасительную прохладу. Под потолком крутятся крупные оgranённые под капли стёкла, расплёскивая блики по помещению. Где-то за пределами комнаты суетится Мирри, готовя обед. Буря в лицу Ирсега на какое-то время отступила, давая возможность перевести дух.

6. Как мёдом намазано

Несколькими днями позже.

Кто-то настойчиво стучит в дверь моего дома уже с утра пораньше. Я слышу шаги заспанной Мирри, но желания встать с постели не испытываю ни малейшего. Только натягиваю повыше одеяло, скрываясь от спящего уже в этот ранний час солнца. На первом этаже оживает приёмник, вещая на каком-то древнем наречии, том же, на котором жрецы читали молитвы.

«Как будто в храме рассвет встречаю», с тяжёлым вздохом переворачиваюсь с бока на бок.

— Вам туда нельзя! — Мирри безуспешно пытается кого-то остановить, и я уже знаю кого.

Только одно существо в этом доме настолько беспринципно в вопросе моего личного пространства. На самом деле, я испытываю жгучее желание его проклясть чем-то бессмертным, но очень пакостным. То ли слепотой, то ли мужской слабостью. То ли немотой. Соблазн велик, но тонкая нить договора, обязующая меня соблюдать законы города, накаляется, становясь обжигающе горячей струной вокруг моей шеи. Мне просто отсечёт голову.

— Йесер!

— Ни «доброе утро», ни «можно войти», ни стыда, ни совести.

— У тебя с ними тоже проблема, — Ирсет стоит у входа в мою спальню, совершенно не смущаясь своим вторжением.

— Ты ко мне зачастил, — всё-таки вытаскиваю голову из-под одеяла, с неохотой поворачиваясь к визитёру. — Что тебе от меня надо, чудовище?

— Йесер

— Что? Я тебя магически проклясть не могу, хамить мне можно сколько угодно.

Рассматриваю помятую, небритую морду Первого Следопыта, отмечая явные следы бессонной ночи: синеву под глазами и покрасневшие белки. Ух ты, что-то способно помешать ему дрыхнуть сном праведника? Вряд ли это совесть, так что от меня сейчас наверняка будут пытаться получить что-то, желательно бесплатно и с минимальной выгодой для меня.

В глубине коридора скрипит дверь, Ирим выходит из отведённого ему помещения: настолько я доверяю одержимому, чтобы спать с ним в одной кровати. Что удивительно, Ирсет упущенную «добычу» игнорирует. Вот это даже интересно Сажусь на кровати, не замечая, как взгляд мужчины соскальзывает по оплетающим грудь отметинам.

— Спать без одежды неприлично.

— Вламываться в чужую спальню тоже. Зачем пришёл? Давай без этих разговоров ни о чём.

Его плечи опускаются, и я замечаю на лице маячащего в коридоре Ирима такое же недоверие, какое наверняка сейчас демонстрирую я.

— Мне нужна твоя помощь. Ирриль, она

— Давай проговорим, — перебиваю его, — ты, скинув меня в место, где я почти наверняка должна была умереть, чтобы твоя официальная невеста заняла предназначенное мне место среди жрецов, сейчас просишь меня ей как-то помочь? Тебе напомнить, что она пришла на обряд, скрыв лицо, и обманом через него прошла?

Ирриль изначально отказали в жреческом пути: что-то связанное с неспособностью вынести поток энергии. Родители её были из немногочисленных купцов, торгующих между городами. Зачем ей эта позиция, если её и так ждала сытая жизнь, я не знаю. Ни она, ни Ирсет мне так об этом и не поведали.

— Она умирает, и ты

— Она умирает, потому что изначально не подходила на это место, а не потому, что я её прокляла. Как у тебя вообще поворачивается язык в этой ситуации что-то от меня требовать и утверждать, что я ей обязана помогать? — у меня даже злиться не получается, настолько я в шоке от феноменальной наглости следопыта.

— Йесер, я

— Я сейчас ещё вспомню, что ты меня обманывал, прикрываясь чувствами, которые у тебя якобы были ко мне, а не к той, кого тебе сговорили родители.

— Но

Воздух в комнате становится слишком душным, так бывает, когда магия выходит из-под контроля. Ирсет бездумно делает шаг назад, натываясь на младшего брата. Трагичная покорность и готовность падать в ноги сменяются злостью. Даже отсюда видно, что у нег она лбу набухает вена. Ирим делает шаг ближе к двери, готовясь в случае чего прикрыть вход от теряющего самообладание старшего брата.

— Вот так, значит. Что ж, я запомню.

Он уходит, я слышу хлопок двери на первом этаже.

— Мирри, проверь дом, не оставил ли он чего.

Природа не дала ей красоты, зато наградила редким даром. Потрясающим чутьём на всяческие зачарованные предметы. Такая мерзость даже особо магического дара не требует, есть вредные вещицы, питающиеся энергией того, кому они подброшены, а не того, кто их создал.

Ирим хмурится, но ничего не говорит. Только отходит в сторону с пути принявшейся за своё задание девушки. У входа в комнату она ничего не находит и отправляется обратно по тому пути, которым промчался нежеланный визитёр. А одержимый проскальзывает ко мне в спальню.

Едва он опускается на край кровати, на его лице расцветает довольная улыбка.

— А ты чего светишься? — прикрываю рот ладонью, душераздирающе зевая.

— Ловкость рук и никакого мошенничества! — он кидая на одеяло рядом со мной что-то блестящее полированным камнем.

Защитный амулет первого следопыта. Гляжу, кто-то решил не затягивать с действиями?

Подцепляю небольшую подвеску, откидываясь на подушки.

Ирим вытягивается в ногах кровати, подпирая голову ладонью. Вид у него довольный собой, гул от конфликта между человеком и духом практически не улавливается, так что обе половины вполне счастливы. Да и в целом сейчас, спустя несколько дней, они всё больше сливаются в одно, то ли спокойная жизнь так влияет на это, то ли что. Всё-таки в пустыне возможности расслабиться не было, кто-то один постоянно был настороже.

— Ты удивительно легко перестраиваешься к новой жизни, знаешь это?

— Я жил в городе. На севере, правда, и весьма недолго, но жил. Пока не сбежал от магов, соединивших нас.

— У духа вообще есть имя?

— Нет. Но вы можете придумать его, если хотите. Мы о таком не задумывались, всё-таки общаясь внутри одной головы только друг с другом скажем так, отзывались просто на «эй, ты».

Синие глазница прячутся под ресницами, длинные волосы укрывают плечи. Даже у меня короче, но я так и не отрастила прежнюю длину после Ямы. Тогда я оставила всю косу там, и не считала это большой утратой. Эти пряди помогли мне выжить и добраться обратно.

— Как так вышло, что тебе ни разу не пришлось откупаться?

— Духи не трогают себе подобных. По крайней мере, слабые. А их большинство. Может в сердце бури их и много, но можно и по отдельности переловить

Он снова смотрит на меня, и на мгновение мне кажется, что поводок держу не я, а он. Правда, чуть потянув незримую связь убеждаюсь, что всё в порядке и ролями мы не менялись.

А Ирим едва заметно улыбается, почувствовав мои действия. Одержимый, получив обратно амулет — всё равно от меня он его не защитит — гоняет его по постели как лениво играющийся кот.

— Нам нужно его где-то подловить, — наконец прерываю молчание.

— Нужно. Но я думаю, он ещё придёт. Как минимум потому

Договорить он не успевает, с первого этажа раздаётся голос Мирри, что-то обнаружившей. Ирим лениво провожает меня взглядом, когда я скрываюсь за ширмой, чтобы быстро что-то накинуть, и только качает головой. Бормотание отсюда не слышно, я различаю только начало фразы, «какой смысл». И хмыкаю. Действительно, смысла смущаться нет, как будто кто-то в этом доме не видел меня голой, но я усилием воли до сих пор заставляю себя соблюдать хотя бы минимальные приличия, не нырять в бездну головой вперёд, как делают многие ведьмы. Может, именно поэтому Верховный Жрец ещё терпит мой взбалмошный характер. Ну или просто я благодаря этому умудряюсь оставаться в рамках договора. Потому что моей предшественнице на посту главной ведьмы досталась отдача за нарушение.

— Пойдём, посмотрим, что там.

Ирим кивает, плавным движением поднимаясь с кровати. Амулет уже заплетён в длинные волосы, но так естественно, что это не привлекает внимания. Если не знать, что это за предмет, можно и вовсе принять за очередную дешёвую побрякушку.

7. Каков подарок...

Мирри сидит у кресла, пытаясь заглянуть под него. У того самого кресла, в котором несколько дней назад сидел Ирсет, уговаривая меня ему помочь. Пальцы девушки скребут по полу, но достать желаемое она не может, даже вытянувшись на полу в очередной попытке, рука просто не проходит дальше запястья. Ирим со вздохом отодвигает её в сторону, на ладони одержимого разгорается искра.

— Можно? — смотрит на меня, для колдовства ему нужно получать разрешение каждый раз.

— Да, — киваю, с интересом наблюдая за тем, как пользуется своей силой он.

Искра свивается в нить, цепляя нечто, привлёкшее внимание Мирри. Ирим ловко вытягивает небольшой предмет из узкой щели под креслом, заодно собирая всю скопившуюся там пыль. Голыми руками одержимый трогать находку не рискует, как и Мирри. Я тоже проявляю благоразумие, только делаю пару шагов поближе, рассматривая предмет. Тонкая пластинка непонятного материала, оставшегося, кажется, от артефактов прошлого. Видела такие в хранилище древностей. Чинить разработки предков никто так и не научился, да и магия неплохо компенсирует большинство из них, так что такие вещи просто пылятся в музеях особенно крупных поселений. Первый раз вижу, чтобы подобную вещь использовали для привязки к ней магического негатива.

А негативом прямо-таки сбивает с ног. Как правило, маскировка работает только пока жертва не найдёт источник бед. Дальше воздействие становится очевидным.

— Какая прелестная вещица.

Мы стоим вокруг тускло блестящей пластинки, будто рассматривая что-то одновременно очень интересное, но при этом до тошноты мерзотное. Ирим кривится, словно учуяв какой-то неприятный запах, черты лица Мирри искажает неприкрытое отвращение. Я же думаю о том, что с гадостью Ирсету нужно поторопиться. Потому что он был единственным гостем в моём доме, способным принести это сюда.

— Возьми перчатки из мастерской и помести это кхм, помести это в шкатулку. Думаю, мне нужно нанести визит. Негоже ходить в гости с пустыми руками

Мирри кивает, убегая за перчатками, а я вытягиваю из игольницы, лежащей рядом с незаконченной вышивкой, булавку. Одержимый подходит ближе, от его присутствия за спиной становится немного не по себе. Будь на его месте кто-то не связанный со мной магией, я бы уже постаралась создать как можно большее расстояние, с учётом ограничивающего моё воздействие амулета.

— Что будете делать?

— О, всего лишь верну дарителю.

— Не думали, что оно может давно тут лежать?

— Оно в любом случае принесено сюда руками твоего брата, все остальные предпочитают общаться со мной официально, где-то на общей территории, это Ирсега вторжение в мой дом не смущает.

Мирри тем временем укладывает пластину в шкатулку, подавая мне закрытый предмет. Прокалываю палец, принимаясь выводить нужные символы. Для начала, меняю характер воздействия. От простых неприятностей до возврата всего, что уже было сделано другим. Даже если автор или заказчик этой гадости — не Ирсет, контакт со следопытом запустит процесс. И учитываться будут не только последствия работы амулета, но и всё, что было сделано без помощи магии. В конце концов, любое взаимодействие оставляет след, тонкую ниточку связи между его участниками, и, если уметь, ею можно воспользоваться. Я умею.

Мирри отходит в сторону, принимаясь опускать шторы. Солнце уже начало своё восхождение по небу, так что скоро его свет станет удушающе жарким. Таким, что город вымрет на несколько самых невыносимых часов. Как раз успею пройти до дома Первого Следопыта без риска нарваться на ненужные препятствия. Да и через толпу пробираться не придётся. Даже работники подземных ферм в это время прекращают свою возню в завезённой с севера земле.

После внесения изменений, принимаюсь оплести узорами саму шкатулку, вкладывая в каждую линию достаточно силы, чтобы замаскировать зловещий дух предмета. Давление магии в комнате постепенно спадает. Глаза Ирима разгораются ярче, будто и его придавливало аурой направленного на меня амулета.

Закончив с работой, оставляю шкатулку на стол, задумчиво рассматривая исколотые пальцы. Хмыкаю.

— Что такое?

— Да вот задумалась: если это не новодел, то сколько твоих предшественников погибли, взяв его воздействие на себя? Они же, с точки зрения магии, числились моим продолжением, а тут как с организмом: сперва отмирает то, что не жизненно важно.

— И долго они протягивали?

— До пары недель, — шёпотом отозвалась вместо меня Мирри.

— Я не хочу знать, какие слухи об этом ходили среди горожан. Избавьте меня от этого.

Фыркаю, закатывая глаза. Да, он похож на Ирсета, и внешне, и повадками, и интонациями — братья будто по трафарету оказались сделаны — но всё-таки жизнь наложила на них свой отпечаток. Ирсет, например, ещё бы обмусолил все неприятные для меня сплетни, дофантазив им подробностей на свой своеобразный вкус.

— У вас опять этот взгляд.

— Какой?

— Перестаньте сравнивать. Ни мне, ни вам от этого лучше не станет.

Гляжу на него через плечо, но ничего не говорю. Ирим недовольно смотрит в ответ, будто собираясь продавить эту просьбу взглядом напрямую в мой мозг. Да уж, высокие отношения внутри семьи, ничего не скажешь. Впрочем, не мне его за это осуждать. Я бы с таким родственником тоже ничего общего иметь не желала.

— Я подумаю над этим.

— И на том спасибо.

Не удержавшись, щёлкаю его по лбу, от чего Ирим трясёт головой как ошарашенный кот. Даже глаза такие же круглые.

— Не наглей. Я очень многое тебе спускаю, но не забывай своё место.

Ирим склоняет голову, но на губах играет тень ехидной улыбки. Вот же Зараза. Мысленно сделав себе пометку разобраться с этим в ближайшее время, возвращаюсь к шкатулке. Добавляю ещё пару черт, избавляя себя даже от малейшей возможности отдачи. Я же не зверь какой, в конце концов. Мне лишнего зла для них не надо, только то, что уже причинили мне.

Уверенная, что одержимый к предмету не сунется, отправляюсь собираться. Синие глаза прожигают спину, но за мной он не идёт. Зато тут же догоняет Мирри, готовая помочь с многослойной одеждой. Можно было бы одеться проще, но для ведьм в пустынях одежда была вызовом, криком «Я жива, свободна и никто мне не указ». Тем более, что отчисляемая колдуньям доля добычи позволяла содержать хотя бы пару помощниц. Мне хватало Мирри, лишних людей в доме и не хотелось бы.

— Повседневное или что-то более яркое? — она поймала мой задумчивый взгляд, направленный на раскрытые сундуки с одеждой.

— Сложный выбор. Хочу я, чтобы это выглядело как удар по лицу Ирсета или нет

— Насколько я слышу по вашему голосу, — мурлыкнул появившийся в дверях Ирим, — вы этого жадите. И даже если бы не было повода, вы бы от этого не отказались.

— Действительно, кого я обманываю? Парадное, Мирри. И, на всякий случай, булавок побольше. Мало ли придётся пробиваться с боем. Хотя заклинание к нему тоже можно применить.

— Отдачи не боитесь? — Мирри принялась обворачивать меня в слои ткани. Точно, она же не знает про амулет.

— Так не насмерть же. Обездвижить или оттолкнуть магией я его вполне могу, и мне ничего за это не будет.

Девушка кивает, принимая такой ответ. Ирим в наглую устраивается на краю моей кровати, без стеснения меня рассматривая. От контакта с духом, буквально зализывающим сочащиеся магией отметины, чёрные шрамы несколько побледнели. Не настолько сильно, чтобы это бросалось в глаза, но заметно, если хорошо знать каждую подробность. Под весом тканей в какой-то момент даже немного теряю равновесие, но быстро его восстанавливаю, немного пройдясь по комнате, чтобы тяжёлые вышитые одеяния уселись на теле поудобнее.

— Хороша, — с нескрываемым удовольствием в голосе тянет дух, на миг отгесняя Ирима.

— Я уж думала, вы срослись окончательно.

— Хорошая жизнь смазывает границы, но и только. Мы вряд ли уже соединимся окончательно. Хотя, кто знает? Бывают в жизни чудеса.

Я подумаю об этом потом. В другой раз. Когда проблем будет чуть меньше. Ну, или Ирсет исчезнет с горизонта.

8. ...таков и отдарок

— Ты? — Ирсет даже от двери отшатывается, быстро оглядываясь через плечо на кого-то в глубине дома.

— А ты ожидал кого-то ещё? Впускай давай.

— Ты несколько невовр

— Если я уйду сейчас, больше можешь ко мне даже не подходить, Ирсет. Выбирать тебе.

Он мрачнеет, но всё же впускает меня в своё жилище. Куда менее благоустроенное, чем у меня, но всё ещё заметно более роскошное, нежели у большинства горожан. Из глубины комнат кто-то капризно зовёт Ирсета по имени, и я с удивлением узнаю в этом голосе находящуюся «при смерти» Ирриль. Как интересно

Следопыт явно замечает несколько невежливый вопрос на моём лице, но сделать ничего не успевает. Из комнаты выходит Ирриль, бодрая и улыбающаяся, далёкая от той тени, которую она изображала на людях.

— О, какое чудесное исцеление, — ядом в моём голосе можно отравить пару десятков колодцев. — А я тут с лекарством спешу

— Кто сказал, что оно не пригодится?! — Ирсет выхватывает у меня из рук шкатулку, которую я для вида порываюсь «убрать».

Мне же только этого и надо: он открывает крышку и стремительно бледнеет, буквально выцветая на глазах. Ирсет поднимает на меня взгляд, рассматривая так, словно видит впервые. Не ожидал, что найду? За окном вдруг стремительно темнеет, город накрывает песчаной бурей, ведомой сотней голодных духов, рёв которых слишком хорошо различим даже сквозь толстые стены.

— Ты даже представить себе не можешь, что ты натворила? — он делает шаг прочь от меня, не замечая оседающей на пол Ирриль.

— Почему же? Очень даже могу. Скажем так, возвращаю долги. Терпеть не могу быть кому-то обязана, — поворачиваюсь к той, что когда-то заняла моё место. — Кажется, тебе нужно присесть. Ты выглядишь не очень здорово.

Ирриль пытается отползти в сторону, будто я надвигающийся на неё хищник, а мне с каждым шагом становится всё легче, всё лучше, будто лёгкие расправляются наконец-то в полной мере. Кажется, так хорошо мне было в последний раз только до Ямы. Даже сил словно прибавляется.

Резкое возвращение магии пьянит настолько, что мне будто бы по силам сейчас выбежать в сердце бури и в одиночку расправиться с несущими её существами. А Ирриль и Ирсета будто накрывает отдачей. Я ещё все эти годы удивлялась, что она как-то существует столько лет на должности жреца, к которой непригодна. Теперь же начинаю понимать. Они просто скидывали часть груза на меня.

— Ты нас всех сейчас в могилу сведёшь, Йесер, останови это!

— Я в могилу сведу? А скидывать на меня все неудачи, за себя и за неё, было так правильно?

— Тебе бы не было ничего, подумаешь, поболела бы.

— Какая же ты тварь, Ирсет, — в неверии качаю головой, делая шаг назад, к закрытой двери, готовая дёрнуть за ручку в любой момент и впустить сюда бурю.

Следопыт шагает ко мне, надеясь успеть, остановить, но его движение только провоцирует меня. Песок с рёвом, далёким от простого гула ветра, проникает в дом. После Ямы я прекрасно различаю в этом шуме голоса духов, жаждущих дотянуться до живых. Ирриль кричит, высоко, на грани визга, а дальше все скрывается в темноте, все звуки пропадают.

Я же я каким-то чудом делаю несколько шагов против этого потока, оказываясь на улице, в сердце бури. Силы во мне сейчас слишком много, духи огибают меня, но яснее мир от этого не становится. Просто сажусь на песок перед порогом Ирсета и принимаюсь хохотать, давясь собственным голосом и песком. Выступающие от смеха слёзы моментально высыхают, стоит им выступить, но страха нет. Страх остался где-то там, далеко в прошлом, когда Ирсет толкнул меня в грудь, отправляя в полёт, ставший началом самых страшных дней в моей жизни.

Более чем уверена, что они сейчас пытаются откупиться волосами Ирриль, выиграть себе время, но забывают одну важную вещь. Волосы не собирают силу из ниоткуда, они берут её у человека. И у неудавшейся жрицы её слишком мало, особенно после того, как она перестала питаться за мой счёт.

Не переставая смеяться, решаю проверить новый предел своей силы, выхватывая из потока мелких духов одного, особенно медлительного неудачника. Комок чёрного дыма трепещет в пальцах, но вырваться не может. Кулак сжимается, облачко силы впитывается в кожу, добавляя к тому, что у меня уже есть.

Внезапно кто-то хватает меня за плечи. Если бы человек пришёл со стороны дома, я могла бы подумать на Ирсета, но нет. Неожиданный гость пришёл из бури.

— Ирим?

— Ваших рук дело, госпожа моя?

Вид у него такой же шальной и довольный, как и у меня. Я только киваю, позволяя одержимому обхватить меня крепче. Я ещё не знаю, что именно я выпустила своим поступком, но витающая в воздухе чужая сила заставляет нас терять контроль, мы тянемся друг к другу, впервые целуясь. Забавно, я успела несколько раз с ним переспать, не собираясь отказывать себе в радостях плоти, когда рядом был такой удачный экземпляр, но целоваться Это что-то для совсем близких. Для тех, кому доверяют.

И Ирим внезапно попал в эту категорию.

Со стороны мы наверняка походим на двух безумцев, нормальные люди стремятся найти укрытие в такие моменты, но кто может назвать ведьму и одержимого нормальными? Даже у меня язык не повернётся для такого.

9. Заря

Буря затихла только к утру, а я, к своему

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.